

Гарри был вытащен из царства Морфеуса мягким сопением. Приоткрыв один глаз, он едва различил белое пятно на изголовье кровати. «Доброе утро, Хедвиг». Как и в случае с Добби и Ксено, каким-то образом она знала, что он и девочки из будущего, и была очень расстроена тем, что он не стал искать ее немедленно. К счастью, она ограничила свой мстительный поцелуй его ушами и руками, которые он исцелил, как только она скрылась из виду. Учитывая, как она была зол, он посчитал, что лучше даже не пытаться заманить ее в клетку, а вместо этого попросил, чтобы она полетела обратно в Суррей в своем собственном темпе.

Теперь, когда он проснулся, он нащупал свои очки, а в его животе урчало, протестуя против того, что ему не дали обед. Он заснул практически сразу после того, как улетучился адреналин от его битвы с Верноном; его воздействие Круциатуса может быть исцелено, но все еще сохранялась некоторая усталость от его магического ядра, пополнявшегося после этого опыта. Поднявшись с постели, он выглянул в окно и увидел, что обе машины семьи ушли, а это означало, что весь дом принадлежит ему, а не то, что он пробудет там надолго этим утром.

Нежившись в теплом душе в течение получаса и переодевшись в одежду, которая не была мятой от сна, он прошел на кухню и почти небрежно стряхнул заклинание из своей палочки в палате Министерства. Он предпочел бы отключить оберег навсегда, но для этого потребовалось бы отключить все узлы, наложить заклинание, ослабляющее магию, на все окрестности, а затем использовать магическое зрение, чтобы выследить оберегающие камни и удалить их. Откровенно говоря, ему было лучше использовать свое время, тем более, что он проводил дни, когда не был с девушками, восстанавливая Поместье Поттеров.

Еще один рык из его живота напомнил ему о его приоритетах. «Добби», - позвал он, и эльф появился с тихим хлопком.

«Мастер Гарри звонит Добби! Какие банки Добби делает для мастера Гарри?»

«Не могли бы вы приготовить мне завтрак? Меня не волнует, что, просто убедитесь, что у Хедвиг много бекона».

Добби кивнул в своем обычном бешеном темпе. «Добби будет много рассыпаться для Ее Совы».

Качая головой, когда эльф назвал сову титулом совы - не то чтобы она не стала бы требовать, чтобы ее упомянули, если бы она могла говорить - Гарри лениво наблюдал, как сковороды и еда летят по воздуху, яйца в ряду конги ждут, чтобы их поджарили. и сосиски, резвящиеся в масляной сковороде. Вскоре представление закончилось, и Гарри посвятил все свое внимание тому, чтобы удовлетворить чудовище в своем животе, в то время как Хедвиг, присоединившаяся к ним в середине представления, удовлетворенно жевала свой жирный бекон. Закончив, он оттолкнулся от стола. Его тарелка исчезла прежде, чем он смог ее поднять, из-за чего полярная сова тупо посмотрела на Добби. Если бы он знал свою птицу так же хорошо, как думал, а он знал, она бы усердно съела последние свиные крошки, прежде чем отдыхать.

Он вернулся в свою спальню и нашел ключ от своего хранилища в Гринготтсе. Он представил

себе Дырявый Котел, развернулся на каблуках... и ничего не произошло. Нахмурившись, он попытался снова дезаппарировать с теми же результатами. Странно, я отчетливо помню, как Флетчер и Дамблдор аппарировали и дезаппарировали здесь. Он приложил кончик палочки к правому виску. " *Oculus magicae* ".

Чары магического зрения обеспечивали длительный пассивный эффект при наложении на линзы, такие как его очки или омниокуляры, но он предназначался для кратковременного использования на самих глазах. Вспыхнул купол кроватной палаты, на его поверхности забегали цифры и символы. Он проигнорировал отображаемую формулу и повернул палочку, как если бы это был циферблат. Ограда расплылась и потускнела, но ничего, кроме защиты, не было, поэтому он медленно повернул древко палубы в противоположном направлении. Прямо внутри кроватной палаты, нити тянулись к узлу Министерства, была тонкая белая палата. Он взглянул на руны, лениво плывущие по поверхности, и выругался. "Я был прав: палата аппаратов с дополнительным чаром, закрывающим Министерство для всех, кто входит или выходит. Дамблдор, вероятно, наложил его, а это значит, что он единственный, кто может вводить людей в заблуждение.

Гарри открыл окно, позволяя дуть горячему сухому ветру. Он смутно помнил, что это лето было тяжелым, но в данный момент оно идеально подходило для его нужд; высокая температура создала бы для него большое количество восходящих потоков. Он положил палочку в карман и сосредоточился на другом себе. Первоначально он боялся, что ему придется медитировать в течение нескольких дней или недель, чтобы восстановить свою животную форму, но он был благодарен, когда почувствовал, как его тело сжалось, его пальцы слились вместе, его нос и челюсти удлинились до острого края. Его одежда исчезла в тот же момент, когда его глаза переместились по сторонам головы, и темные перья выросли из его кожи.

После первого месяца, когда трио забаррикадировалось внутри поместья, все они решили стать анимагами, и он был вне себя от радости, узнав, что его форма была сапсаном, животным, которое разделяло его любовь к нырянию на высокой скорости после неуправляемого полета. объекты. Он был невысокого роста для этого вида, всего шестнадцать дюймов в высоту, и этот размер был ему здесь на руку. Полет сокола вокруг Литтл Уингинга был необычным событием, но его можно было легко проигнорировать; подростка на метле, делающего то же самое, будет гораздо труднее не заметить, и почти наверняка *Hit Wizards* арестуют его за нарушение Статута секретности.

Подскочив и взмахнув несколькими крыльями, он подошел к подоконнику и выглянул наружу. Храп исходил от одного из кустов, поэтому он отказался от скрытности и спрыгнул с уступа, его крылья поймали горячий воздух и подняли его на высоту с минимальными усилиями. Он лениво поплыл прочь от окрестностей, снова смакуя радость полета, но через десять минут приземлился на ближайшую крышу. К этому моменту он был достаточно далеко от Тисовой улицы, чтобы находиться вне палаты Министерства, поэтому он принял свою первоначальную форму и снова попытался поехать в Лондон. На этот раз ему это удалось.

Когда он вошел из Дырявого котла, в Косом переулке кипела жизнь. Конечно, не то чтобы они знали, что это он; Это было невероятно, потому что простое изменение его волос на мягкие, как мышь, каштановое сделало его меньше заметности. Из заголовков « Ежедневного пророка » он понял, что министерство уже было сосредоточено на разрушении его репутации. Иначе

зачем бы они показали его фотографию сразу после побега с кладбища, включая пятна крови и бледное лицо? В раздражении покачав головой, он начал путь к мраморному чудовищу Гринготтса.

«Конечно, набита дебилами», - проворчал он, высмеивая свое первое воспоминание о Молли Уизли на одном дыхании. Он нетерпеливо подошел к концу очереди, самому дальнему от гигантских бронзовых дверей, и дождался своей очереди с кассиром.

Создание Гринготтс Банка было интересной сноской в истории Волшебной Британии. Во время восстания гоблинов 1756 года последние остатки силы гоблинов были вынуждены вернуться в свою цитадель в северной части горного хребта Пеннинские горы, и Волшебная Армия провела семь недель, безуспешно пытаясь прорвать оборону подземной крепости. Так же, как Министерство взвешивало риски и выгоды от использования Fiendfyre в горах, так и пошла легенда, посыльный из клана Гринготт сообщил, что лидер клана желает переговоров. Их беседа длилась до поздней ночи, но в конце концов сделка была достигнута. Взвод волшебников был проведен в крепость через серию туннелей на следующий день и открыл главные ворота для остальной армии.

По окончании войны единственный оставшийся клан британских гоблинов потребовал от Министерства выполнить свою часть сделки. Никто не хотел, чтобы битва продолжалась, поэтому гоблины получили контроль над человеческим золотом, которого они так хотели. Волшебники, однако, смеялись последними; лидер клана так отчаянно хотел, чтобы война закончилась, что он не прочитал полностью магически обязательный договор перед подписанием и пропустил раздел, который не позволял этой жадной и жестокой расе снова поднимать оружие на Волшебный мир. Их последний местный враг был побежден, и вскоре армия была расформирована, за исключением элитной компании «Аврора», охранявшей министра и Визенгамота. Позднее компания Auroga была объединена с DMLE для защиты страны от пользователей Темных искусств, став аврорами.

«Далее», - язвительно крикнул гоблин через двадцать минут после того, как Гарри вошел. Он подошел к столу и вручил свой ключ вспыльчивому существу.

«Я хотел бы посетить свое хранилище, а также поговорить с менеджером по работе с клиентами семьи Поттеров».

Гоблин какое-то время смотрел на ключ, затем вернул его. «Випторн, проводи человека в офис Голдфингера».

Младший и - буквально - более зеленый гоблин появился словно из воздуха. «Сюда, человек», - усмехнулся он и провел его через грязный вход за столом, по лабиринту коридора и, наконец, к простой деревянной двери с вырезанным на ней именем Голдфингера. Випторн открыл дверь и бесцеремонно протолкнул Гарри, прежде чем захлопнуть.

«Садись, мальчик», - сказал третий гоблин дня, этот тучный от того, что весь день сидел за столом и ел закуски, если тарелки, сложенные на одном конце стола, были хоть одним

признаком. "Какие дела у вас со мной?"

«Я Гарри Поттер, и мне нужно запросить аудит моих счетов».

«Докажите, что вы такой, какой вы себя представляете, и мы сможем обсудить ваш аудит после». Голдфингер протянул ему камень с острыми краями и маленькое блюдце. «Наполните сосуд кровью».

Он взглянул на камень, поверхность которого была залита чужой кровью. «Я не думаю, что могу просто поклясться волшебной клятвой, что я - это я, не так ли?»

«И доверять вам, что вы знаете свою личность? Конечно, нет, вы можете быть обмануты или стать целью ментальных манипуляций. Кровь, однако, не лжет. Если вы не хотите подтверждать свою личность, убирайтесь из моего офиса». Не видя другого выхода, он сжал кулаком камень, его острый укус позволил крови потечь в блюдо. Когда у него было достаточно, он поставил предмет на стол, и Голдфингер бросил ему комок грубой серой ткани, которым он зашил плачущую рану. Чтобы закрыть его, придется подождать, пока он не выйдет из банка; Вытащить здесь жезл было серьезным преступлением, и он не хотел испортить свое утро битвой за побег из банка.

Гоблин вытащил со своего стола черное перо, поместил перо в лужу крови, которая быстро всасывалась в перо, а затем положил его острием вниз на клочок пергамента. На перо было написано «Гарри Джеймс Поттер» .

«Хорошо», - сказал Голдфингер, хотя его тон указывал на то, что ситуация была совсем не похожа на «Я был убежден, что вы будете двумя тысячами триста шестьдесят пятым человеком, который попытается заявить о своем родстве с семьей Поттеров, поскольку ваши родители 'смертей. Теперь, когда это не в порядке, какой аккаунт вы хотели проверить? "

К счастью, Гарри уже однажды забрал свои хранилища, хотя и не просил о проверке. Это было просто для того, чтобы убедить себя, что Дамблдор не сунул пальцы туда, где они не принадлежали и не были нужны. «Мое хранилище доверительного управления, главное хранилище Поттеров и личный счет Лили Эванс». Его мать, как и Гермиона, любила оставлять открытыми как можно больше вариантов, поэтому она открыла хранилище специально для своих «сумасшедших денег» , как назвал это его любовник. Поскольку она ограничила доступ к себе и своим детям, его отец никогда не смог бы прикоснуться к нему.

Гоблин ворчал из-за работы, которую должен был выполнять, и вытащил тонкую книгу с полки позади себя, чтобы проконсультироваться. «Ваше хранилище доверительного управления в настоящее время содержит триста галеонов, и 1 июля оно будет пополнено из основного хранилища до полутора тысяч. В этом хранилище находится 80 497 галеонов, десять серпов и двадцать два кнута. В личном хранилище вашей матери есть хранилище. на балансе две тысячи галеонов и пять серпов.

"Учетные записи семейного хранилища и хранилища Эванса не вели никакой другой

деятельности после 1981 года, кроме отмены платы за обеспечение и депозита процентов с их инвестиций, и не будут иметь их до тех пор, пока вы не достигнете совершеннолетия и не сможете требовать входа на законных основаниях. Единственными действиями для вашего хранилища в этом году были перевод 1 августа в Хогвартс пятисот галеонов и 26 августа изъятие некой Молли Уизли семисот галеонов ".

Это были большие деньги, гораздо больше, чем нужно для одного учебника, и с тех пор он узнал набор основных парадных мантий. «Я не разрешал ей снимать такую сумму с моего счета; ей не могло быть нужно больше четырнадцати или около того. Есть ли способ получить от нее компенсацию за превышение?»

Голдфингер хмыкнул. «Если вы хотите контролировать, сколько кто-то может удалить из вашей учетной записи, вы не должны давать им свой ключ ».

Он поморщился, это был хороший аргумент. «И вы уверены, что никто не снимал деньги из двух других сейфов? У меня есть основания подозревать, что ... некий человек желает получить деньги моей семьи».

Это вызвало рык гоблина. «Меня не волнует, утверждает ли этот «индивидуум», что он сам Кхорн. Если этот человек не докажет, что он произошел от Поттеров или Лили Эванс, ему не будет предоставлен доступ. Теперь, если нет ничего другого, убирайтесь».

Гарри осторожно вышел за дверь и оказался в вестибюле у парадного входа. Я не очень люблю гоблинов, но не могу отрицать, что они эффективны.

Залечив рану, а затем вернулся в банк, чтобы еще раз подождать, пока его отвезут в свое хранилище, Гарри направился к другому месту назначения, лавке затворников и, если он был честен с собой, жуткому Гаррику Олливандеру. Он вошел в здание, не обращая внимания на звонок над дверью, и обвел взглядом всю комнату, которую мог видеть. Он все еще помнил, как удивился пожилому человеку, когда он впервые вошел сюда, и он предпочел бы, чтобы этого не случилось на этот раз.

«Еще раз здравствуйте, мистер Поттер».

Он прыгнул вперед и развернулся, выставив перед собой палочку, готовясь бросить щит левой рукой. Хотя он был всего в двух футах от двери, волшебник каким-то образом подкрался к нему сзади. "Вы должны это сделать?"

«Нет, мне не обязательно . Мне это просто нравится». Олливандер подошел к стойке и сел за нее. "Теперь, что я могу сделать для тебя?"

Гарри откашлялся и присоединился к нему. «Вы слышали о том, что произошло после третьего задания Турнира Трех Волшебников?»

"У меня есть."

«Значит, ты знаешь, что Волан-де-Морт вернулся».

Олливандер нахмурился. «Я этого не знаю, я знаю только, что ты говоришь, что Тот-Кого-Нельзя-Называть, избежал когтей Смерти. Тем не менее, я не понимаю, почему ты пришел ко мне».

«Ну, когда он наложил на меня проклятия, я наложил на него обезоруживающее заклинание, и наши заклинания соединились ...»

"Связано, говорите?" Теперь он полностью сосредоточил внимание на этом мужчине. "Связано как?"

«Ну, оба заклинания стали золотыми, и было много песни феникса и клетки света», - сказал Гарри, пытаясь вспомнить воспоминания. Он также знал, что ему нужно будет немного изменить историю, чтобы его просьба имела смысл; он не мог сказать, что ему нужна была новая палочка, потому что, в конце концов, он пережил свою девушку, наложившую на него Смертельное проклятие. «Его палочка послала в мою палочку несколько бусинок света, и теперь мне трудно читать с ее помощью заклинания».

"Его палочка заставила вашу подчиниться?" Олливандер задумался. «Да, я понимаю, как это может лишить тебя верности твоей палочке. Тебе нужна новая». Гарри кивнул, и мастер поднялся со своего места и бросился к полкам. «Хорошо, позвольте мне посмотреть, что у меня есть на складе. Мы попробуем это, и это, может быть, это, несомненно, сомнительно, но, возможно, и те».

Он вернулся с руками, нагруженными коробками. «Да, давайте начнем заново. Буковая и драконья сердечная нить, девять дюймов, гибкая». Гарри махнул им, и возникла слабая искра, прежде чем Олливандер схватил ее. «Да, это случится теперь, когда вы привыкли пользоваться жезлом. Каждый волшебник может использовать почти любую палочку, но подходящих совпадений будет немного.

"Как насчет волос боярышника и единорога, десять дюймов?" Еще один слабый ответ.

«6,5 дюймов, орех и перо феникса». Реакция была более сильной, но, учитывая, что она послала разряд молнии в ящик, в который вошла палочка, он предпочел бы использовать что-нибудь другое.

«Сосновые волосы и волосы единорога, двенадцать дюймов». Вой умирающего кота, и Гарри чуть не швырнул его обратно в создателя.

Они потратили больше часа на пробу различных комбинаций, и Гарри очень беспокоился о

своем ближайшем будущем, когда Олливандер вытащил еще одну коробку со спины. «Странное сочетание, но ты тоже удивил меня, когда тебе было одиннадцать. Одиннадцать дюймов, акация с нитью из особенно хитрого перуанского Змеиного Зуба».

Он взял палочку в руку и сразу понял, что это другое. Казалось, что он гудит в его руке, и от короткого рывка образовался шар яркого голубого света. «Эта подходит даже лучше, чем моя старая палочка».

«Интересно, очень интересно. Твоя предыдущая палочка была остролистом, деревом, превосходным для защиты, но часто находящимся у волшебников со склонностью к импульсивным решениям». Он искоса посмотрел на Гарри, и мальчик имел приличие покраснеть. «Акация, с другой стороны, может использоваться только волшебниками, которые прошли через магию «ударов и запахов», как я люблю их называть; волшебники, понимающие ценность тонкости и рассудительности».

Гарри определенно понимал, что это неуловимо. После почти смертельных несчастных случаев с его возлюбленными и массового дезертирства различных членов Ордена он понял, что не может продолжать сражаться, как если бы он был непобедим, поскольку он отказался подвергнуть Гермиону или Луну то, что он был вынужден иметь дело с. К сожалению, его дуэльный репертуар полностью состоял из сияющих цветных струй, поэтому он решил отойти от поля магии, к которому он привык, и поискать что-то опасное на расстоянии, и его нелегко проследить до его источника. Одним из путей, которые он исследовал, была Магия Разума.

Чары памяти, легилименция, принуждения, даже проклятие Империи. Эти заклинания были невидимы, когда они покидали жезл, и без надлежащей подготовки со стороны жертвы их почти невозможно было сломать. Он испробовал несколько заклинаний, только чтобы обнаружить, что у него есть врожденный талант к ним теперь, когда крестраж больше не был привязан к его разуму. Честно говоря, в этом не должно было быть ничего удивительного, учитывая, что он был способен сбросить Империи, наложенный мастером Темных искусств, и что Снейпу потребовалось несколько секунд, чтобы изгнать его, когда он отразил зонд Легилименции во время одного из их «уроки окклюменции». Это даже объяснило, почему у него были такие трудности с изучением окклюменции с самого начала, поскольку эти две ветви были фундаментально противоположны; он не мог быть восприимчивым к чужим мыслям, держа щит перед собой.

Вот почему Пожиратели смерти так его боялись. Было много ведьм и волшебников, которые могли сдерживать нападение на короткое время при достаточном прикрытии, но его уникальность заключалась в том, что он мог превратить битву в кровопролитие, и никто даже не узнал о его присутствии. Добавление плаща-невидимки дало ему явно несправедливое преимущество.

Голос Олливандера вывел его из задумчивости. «Это будет шестнадцать галеонов, мистер Поттер».

«Я мог бы поклясться, что моей первой палочке было всего семь».

«Да, - объяснил мужчина, - но министерство дает мне меньшую субсидию на замену жезлов, чем на первую. Мой платеж, пожалуйста?»

Он полез в карман, чтобы вытащить деньги, но параноидальное подозрение остановило его руку. «Мистер Олливандер, вы не планировали рассказывать об этом Дамблдору, не так ли? Он казался необычайно хорошо осведомленным о моих и Волдеморовых палочках, а также об их отношениях друг с другом».

«Кому я рассказываю о том, что происходит в моем магазине, это касается меня, только меня. Это все, мистер Поттер?»

«На самом деле, есть еще одна вещь». Stupefy было бы проще, но левый крюк был гораздо больше удовлетворения. Он использовал свою палочку-падуб, чтобы левитировать человека без сознания по проходам к задней части здания и грубо усадил его на стул перед своим рабочим столом. «Я действительно не хочу, чтобы Дамблс слышал об этом. Episkey, Oblivate. Ennervate». Чары пробуждения быстро срабатывали, если кого-то ударил парализатор, но он знал по собственному опыту, что они оставляли несколько минут дезориентации и сонливости, когда применялись к кому-то с травмой головы. Взяв обе палочки в карман, он полностью покинул магазин Олливандера и Аллею, а затем дезаппарировал, когда он оказался вне поля зрения наблюдательных маглов.

Пора было домой.

Пришло время вернуться в Поместье Поттеров.

<http://tl.rulate.ru/book/74295/2061680>